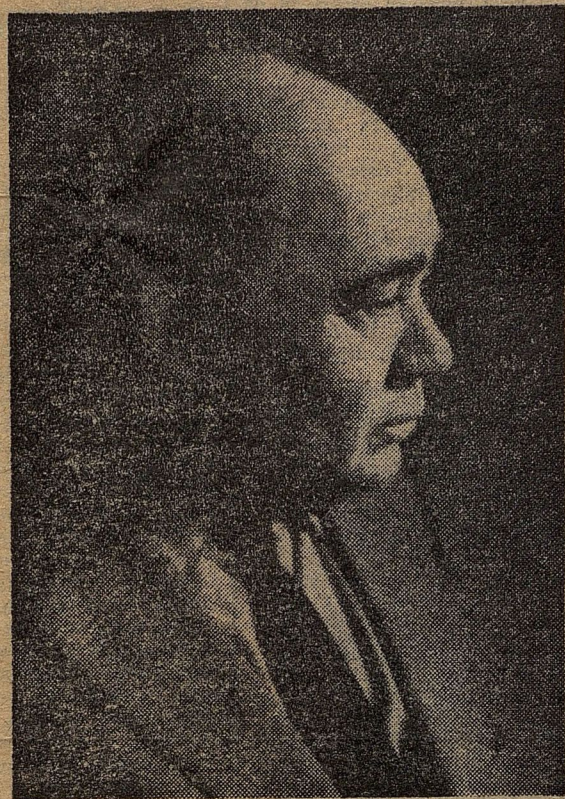

ЛЕГКО ЛИ БЫТЬ ЛЮБИМЫМ?

С УСПЕХОМ НА БРЯНЩИНЕ ПРОШЛИ ВСТРЕЧИ С НАРОДНЫМ АРТИСТОМ СССР ЛАУРЕАТОМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ СССР И ПРЕМИИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА ЕВГЕНИЕМ ЛЕОНОВЫМ.

СЕГОДНЯ ОН ГОСТЬ НАШЕЙ ГАЗЕТЫ.

штука коварная. Сколько артистов, и артистов талантливых, сломалось на ней. Ее оборотная сторона — привычка. От тебя ждут чего-то знакомого. Так трудно примелькаться, насчитать. Это только Чаплин умел быть интересным в одной маске. Актер гениальный.

В нашем деле только вечная узда — спасение. Мой учитель — прекрасный актер Михаил Михайлович Яншин, еще когда я работал в театре имени Станиславского, предостерегал нас, молодых: «Вам слишком громко хлопают. Что-то вы не так делаете. Идете на поводу у зрителя».

Один критик не так давно назвал свою статью «А нужны ли эксперименты в искусстве? Где же они еще нужны, если не в искусстве? Этим искусство живо».

— К сожалению, не многим брянцам довелось увидеть Вас на сцене родного вашего театра имени Ленинского комсомола, потому особое спасибо за монолог Иванова, который Вы читали здесь на встречах со зрителями. Сам выбор Вас на главную роль в чеховском «Иванове» и на роль Вожак в «Оптимистической трагедии» был тоже своего рода экспериментом, смелым шагом режиссера Марка Захарова.

— Роль Иванова я играю, может быть, и спорно. Кому-то, возможно, это не нравится. Его чаще играли актеры героического плана.

Но любопытно, что сам Чехов просил в письме сыграть эту роль известного комедийного актера Давыдова. Он и был первым исполнителем.

— Некоторых удивил и Ваш Вожак в «Оптимистической трагедии». Его привыкли видеть таким материальным злодеем и вдруг — добряком...

— «Оптимистическую трагедию» обычно ставили как спектакль-плакат. У нас получился неожиданный спектакль — камерный. И в роли Вожак мне хотелось за добродушной маской такого «пахана»,

«крестного отца» показать звериную философию. Наверно, страшнее, когда она выступает в таком безобидном облике.

— Режиссер Георгий Данелия как-то назвал Вас своим талисманом. В каждом своем фильме он обязательно находит роль для Евгения Леонова. Трудно ли быть талисманом?

— Ему виднее, талисман я или нет... Быть постоянным актером Данелии и трудно, и легко. Трудно — потому что работа у него всегда стоящая, напряженная. Порой изнурительная. Такой была и съемка последней его комедии «Слезы капали». А легко — потому что я очень люблю Данелию. Этот режиссер все время в поиске. У него фильмы такие непохожие. И в то же время их многое роднит... «Не горюй», «Афоня», «Совсем пропащий», «Осенний марафон». А как прекрасно играют у него все актеры без исключения! Возьмите Куравлева, Басилашвили...

— Роли, наверное, как дети у многодетной матери. Все дороги — и удачные, и не очень. На каждую потрачены здоровье, время, душа. Но все же есть самая дорогая!

— Да. Это слесарь Иван Приходько в «Белорусском вокзале». Простой рабочий, но очень удачливый, Ванька да Ванька... Но как он умеет отдавать себя людям. Как свято сохранил дружбу фронтовую! Удивительной души человек. Он ведь настоящий герой. Всю войну прошел. Такие вот люди победу делали. Этот фильм дорог нам как память. Помню, привезли мы только что отснятый «Белорусский вокзал» к людям воевавшим — и они смотрели и плакали, вспоминая, чего стоила им эта война.

Разве можно здесь актеру слукавить, побережь себя? Это все выдумка, что у нас рабочий инструмент — голос, внешность, техника. Наш главный инструмент — сердце. Снова вспоминаю Яншина, его

слова: «Хочешь стать большим актером, никогда не выгадывай, трать свое сердце». И сам он не боялся тратить себя. Смертельно больной, зная, что ему осталось полтора года жизни, шел в театр, на репетицию, и как работал!

Не зря же Горький сказал когда-то, что русское искусство — искусство сердце.

— Недавно Вы участвовали в передаче «Будильник». Очень верный нащупал тон в разговоре с детьми. О таком сложном деле, как воспитание и самовоспитание.

— Началось все с передачи «Юмор в семье», которую мы готовили по четвертой программе ЦТ. Мы говорили о том, как часто в общении с детьми нам не хватает доброты, чувства юмора, разговора на равных. Наши дети порой слышат: «Убери, не мешай»...

После «Будильника» я получил тысячи писем-исповедей. Забавных, тревожных. Дети так хотят, чтобы их понимали и принимали всерьез.

— Эти письма, видимо, помогут в Вашей работе, в воспитании своих детей.

— В работе, наверное. А в воспитании детей, боюсь, уже поздно, скорее — будущим внукам. Моему сыну — двадцать четыре года. Он отслужил в армии, сейчас работает в нашем же театре. Пока занят в массовках, эпизодах, а там — посмотрим.

— Ваш Иванов в монологе говорит: «В 20 лет мы все герои. А к сорока ломаемся и никуда не годимся...» Чего бы Вы сегодня не стали делать, если бы пришлось начать жизнь сначала?

— Конечно, у меня не все гладко было в творческой жизни. Но как это можно жизнь прожить и ни разу не ошибиться? Чтобы освоить наше актерское ремесло, надо и вверх взлететь, и вниз побывать. И поплакать приходится, и помучиться. В нашей профессии и слезы, и радости — все пополам.

— Наша первая публикация в газете называлась «Задайте вопрос Леонову». А какой вопрос чаще всего задают Леонов сам себе?

— Трудно сказать... Я постоянно задаю себе вопросы. Так ли живу? Так ли играю? Спорю с собой. Спорю с режиссерами. Спорю с товарищами по профессии. А успокоюсь — значит, все, конец творческой личности.

Беседу вел
Т. РИВКИН.
Фото А. Добкина.

ИМ НЕ ВОСТОРГАЮТСЯ. Перед ним не преклоняются. Его просто любят.

После концерта один из зрителей, такой же широкий и по-леоновски добродушный, долго трясет ему руку: «Я всю жизнь киномехаником. Народ бежит на ваши фильмы».

Мальчик заглядывает ему в глаза: «Винни-Пух, а ты приедешь к нам еще!»

Позади — семьдесят ролей. Признание. Звания... Две Гран-при за лучшее исполнение мужской роли. Одна премия была вручена еще в молодости — на Международном кинофестивале в Индии за роль Якова Шибалки в «Донской повести». Другая — не так давно на кинофестивале в Венеции за роль соседа Василия Игнатьевича в комедии «Осенний марафон». Кто-то другой, возможно, и расслабился бы. Но Леонов считает, что всю свою жизнь актер зарабатывает лишь одно право — право на роль.

— Евгений Павлович, помните, у Марселя Марсо есть знаменитый номер. Вначале мим шута играет маской, а потом с ужасом убеждается, что она застыла, приросла к нему, стала его лицом.

Мне кажется, вам это не грозит. Вы постоянно удивляете зрителей и критиков. Каждой новой ролью опровергаете сложившийся стереотип. Простоватый позар, укротитель-самозанес в «Полосатом рейсе» и красный боец Яков Шибалок из «Донской повести», снятой по рассказам Шолохова. Правдоискатель, бригадир строителей Потапов в «Премии» и нидерландский Санчо Панса — Лама Гудзак в «Легенде о Тиле». Работая Иван Приходько в «Бе-

лорусском вокзале» и чеховский интеллигент в спектакле «Иванов»... И не случайно именно вы сыграли двух полярно противоположных героев в фильме «Джентльмены удачи».

Но так ли это важно — постоянно разрушать инерцию зрительского восприятия? Ведь все рано в нашем сознании прочно поселился образ леоновского героя — обязательного, простодушного, может, чуть наивного, предельно естественного и обязательно комичного и трогательного. Родного какого-то.

— Вот-вот... Недавно в один журнал написали две девчонки: «Запретите кому-нибудь Леонову серьезные роли. Он у нас Винни-Пух. Нам нравятся его ужимки и прыжки». Популярность —